

С началом массовой коллективизации деревни в 1930 г. произошло радикальное изменение методов аграрной колонизации. Плановое добровольное переселение было заменено принудительным. На участки, заготовленные к этому времени для добровольных переселенцев в «необжитой» полосе Сибири, депортировали раскулаченных крестьян, в том числе и из «обжитых» районов края. Плановое добровольное аграрное переселение в Сибирь возобновилось в 1935 г. и продолжалось до середины 1960-х гг. с перерывом на период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы [6, с. 608].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.

2. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

3. Ильиных В.А. Проект аграрной колонизации Сибири 1927 г. // Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 163–202.

4. Рынков В.М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реалии переселенческой политики первого после революционного пятилетия (1918–1922 гг.) // Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 108–137.

5. Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг.: сб. док. / под ред. С.А. Красильникова. Новосибирск, 2007.

6. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II.

Статья поступила
в редакцию 18.01.2014

УДК 94(47+571).084.6

В.В. ВВЕДЕНСКИЙ

«ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ»: БЛАГОСОСТОЯНИЕ ПЕРЕДОВЫХ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.*

стажер-исследователь,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

В статье представлена картина материально-бытового положения лучших работников промышленных предприятий Западной Сибири середины 1930-х гг. Для реконструкции использованы результаты обследований профсоюзными комиссиями условий жизни стахановцев, ударников, отличников производства, а также обозначен эталон благосостояния рабочего, зафиксированный в журнальной статье.

Анализ идеального образца, представленного в настоящей журнальной статье, позволил выявить основные составляющие пропагандируемого материального и духовного облика образцового советского рабочего. Было установлено, что замыслом автора являлась демонстрация взаимосвязи уровня благосостояния семьи рабочего-ударника с его активной производственной и общественной деятельностью. Данная демонстрация имела сугубо прикладной характер. Широкое освещение в периодической печати таких положительных примеров играло важную роль в мотивировании советских трудящихся к увеличению интенсивности производственной деятельности. Кроме того, был проведен анализ результатов обследования материально-бытового положения семей лучших рабочих. В итоге выявлены различия в уровне благосостояния работников разных промышленных предприятий, установлены причины этих различий. На основе сопоставления идеального образца с результатами обследований фактического положения лучших работников был реконструирован образ материально-бытового положения работника, воспринимавшийся в то время в качестве допустимой нормы, выявлены необходимые составляющие допустимого материально-бытового уровня, а также компоненты, свидетельствовавшие о более высоком статусе их владельца в рабочей иерархии.

Ключевые слова: история повседневности, советский быт, материально-бытовое положение, профсоюз, ударники, стахановцы.

В 1930-е гг. советское государственное управление большое внимание уделяло повышению трудовой и в целом общественной активности населения индустриальных новостроек Сибири. Для этого использовались различные формы так называемого социалистического

соревнования не только на производстве, но и в быту. Их массовое внедрение способствовало формированию в рабочей среде слоя, представителем которого можно назвать элиту рабочего класса. Это отличники и передовики производства, ударники и стахановцы, именуемые в документах профсоюзных организаций и в периодической печати того времени «знатными людьми» или «лучшими людьми».

*Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068 а.

В данной статье сделана попытка представить картину материально-бытового положения лучших работников промышленных предприятий Западной Сибири середины 1930-х гг. Для решения поставленной задачи использовались результаты профсоюзных обследований материально-бытового положения лучших работников, а в качестве эталона – представленный в периодической печати идеальный образец рабочего быта.

Для стимулирования производственной и общественной активности трудящихся в советской периодической печати публиковались статьи о производственных успехах и о быте лучших работников разных отраслей народного хозяйства. Один из ярких примеров мы можем найти в журнале Западно-Сибирского краевого совета профессиональных союзов (ЗСКСПС) «Профработник» за январь 1934 г.¹ В очерке повествуется о посещении корреспондентом дома Ивана Борисова, шахтера-ударника из Прокопьевска.

Важное место в очерке занимает характеристика самого героя статьи. Читателю представлен идеальный образ человека, стремящегося к всестороннему самосовершенствованию и преобразованию окружающего мира. Целый образ советского рабочего сформирован из двух компонентов: ответственного работника и рачительного хозяина. Подчеркивается стремление Борисова к «новым высотам производственного мастерства», выражавшееся в регулярном перевыполнении плана, повышении производственной квалификации, выполнении общественной нагрузки. Кроме того, акцентируется внимание на усилиях, прилагаемых Борисовым для совершенствования быта своей семьи. Автор статьи подчеркивает: «тесная связь основных элементов заботы о производстве и перестройке своего быта отражается в Борисове во всей полноте»².

Представленная читателю характеристика рабочего-ударника – ориентир, в направлении которого должен был развиваться советский труженик. При этом указывалось, что Борисов – не исключительный случай или один из немногих «лучших людей»: «Иван Борисов – только единичное воплощение тысяч точно таких же Борисовых, которые передельвая страну, передельвают сами себя»³. Такое дополнение подчеркивало возможность достижения уровня Борисова и другими рабочими. Еще один посыл этой характеристики – материальное благополучие напрямую зависит от производственных достижений. Автор очерка не заявлял об этом прямо, но текст построен таким образом, что читатель имел возможность сделать этот вывод самостоятельно.

Для формирования положительного образа быта рабочего-ударника было использовано три противопоставления. Одно из них – новый «пролетарский уют» и старый «мещанский», второе – образцовая

квартира героя очерка и квартиры других рабочих, третье – быт советского рабочего и дореволюционный рабочий быт. Нехитрый прием противопоставления позволил автору сфокусировать внимание читателя на тех возможностях, которые предоставила рабочему человеку советская власть.

Описание квартиры Борисова способствовало реализации основного замысла автора – продемонстрировать связку активной позиции рабочего-ударника с уровнем его благосостояния. В очерке фигурирует ряд элементов бытового обихода, игравших в 1930-е гг. роль маркеров материально-бытового благополучия: опрятность и чистота в квартире, обеспеченность продуктами питания и топливом, комнатные растения, наличие книг и газет. Некоторые предметы бытового обихода были отмечены особо – это патефон, именные часы, парадный костюм. Значимость упоминания их в рамках замысла автора статьи заключалась в том, что они были выданы Борисову в качестве премий за ударный труд. Наличие патефона свидетельствовало одновременно и о материальном достатке владельца, и о его стремлении повысить свой культурный уровень. Кроме того, патефон, как премия за трудовые достижения, подчеркивал статус работника – его принадлежность к рабочей элите.

Отметим, что в подобных статьях демонстрировался не типичный или усредненный уровень жизни «лучших людей» Советского Союза, а предьявлялся образец возможностей, связанных с активной производственной и общественной деятельностью. Публикации этих статей были нацелены на формирование у советских тружеников представления о взаимосвязи трудовой активности с личным материальным благополучием. Главной целью была стимуляция трудовой и общественной активности рабочих масс.

Ценные сведения о материально-бытовых условиях жизни лучших работников содержатся в отчетах по результатам обследований рабочего жилья, проведенных профсоюзными работниками в конце 1934 и начале 1935 гг. в рамках кампании по перестройке работы профсоюзов. В рамках той же кампании 22 июня 1935 г. состоялась встреча председателя Западно-Сибирского краевого совета профессиональных союзов А.А. Шолоховича со «знатными людьми» – лучшими работниками предприятий и учреждений края. В начале своего выступления А.А. Шолохович упомянул о речи И.В. Сталина в Большом Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий РККА, известной по выдвинутому лозунгу «Кадры решают все!» В ней И.В. Сталин заявил о недостатке внимания к работникам со стороны руководителей и напомнил о необходимости «ценить каждого работника»⁴.

А.А. Шолохович использовал в своем выступлении пафос речи И.В. Сталина с поправкой на «профсоюзную линию». Он сказал: «...необходимо, чтобы профсоюзы знали все нужды рабочих и особенно

¹ Профработник. 1934. № 1. Январь. С. 35–39.

² Там же. С. 36.

³ Там же.

⁴ Правда. 1935. 6 мая.

нужды лучших людей, и чтобы они не только знали их нужды, но и удовлетворяли их»⁵. Председатель акцентировал внимание местных профсоюзных комитетов на необходимости выполнения своих прямых обязанностей, связанных с заботой об условиях труда и жизни трудящихся, прописанных в действовавшем в тот период «Кодексе законов о труде»⁶.

В подробных отчетах по итогам профсоюзных обследований материально-бытового положения трудящихся Западной Сибири зафиксирован статус обследуемого, его производственные достижения, активность в общественной деятельности. Содержится информация об обеспеченности жильем, об источниках и размере доходов, обеспеченности продовольствием и предметами бытового обихода. При описании обстановки в квартире профсоюзные инспекторы фиксировали внимание на значимых, с их точки зрения, элементах – отсутствии минимального набора необходимых предметов бытовой обстановки, а также наличии того, что в то время можно было отнести к предметам роскоши. Как и в очерке журнала «Проф-работник», в отчетах зафиксированы две стороны жизни советского труженика в их неразрывной взаимосвязи: образ работника с его профессиональными качествами и образ быта его семьи.

Имеющиеся материалы демонстрируют пеструю картину быта «знатных людей». Показатель, на который следует обратить внимание в первую очередь, – это обеспеченность жильем. Лучшие работники проживали в общежитиях барачного типа, отдельных квартирах, индивидуальных домах. Качество жилья и занимаемая жилая площадь, в расчете на количество членов семьи, существенно различались. Например, семья работницы кирпичного завода А.И. Кобзевой из семи человек проживала в комнате барака-общежития⁷, рабочий маслозавода Н.И. Мальцев с семьей из четырех человек – в однокомнатном индивидуальном доме⁸, ИТР завода «Труд» М.Ф. Логинов с женой и ребенком – в двухкомнатной квартире⁹.

Примечательно, что рабочие предпочитали иметь индивидуальные дома с приусадебным участком. Нередко рабочие высказывали пожелание переселиться в индивидуальный дом либо отказывались переселяться из такого дома в ведомственные квартиры. Такое отношение к казенным квартирам объяснялось высокой квартплатой (35 руб. в месяц за комнату¹⁰), а также отсутствием помещений для хранения топлива и продуктовых запасов. Жизнь в индивидуальном доме давала возможность вести подсобное хозяйство, что позволяло экономить денежные средства. Поэтому даже при переселении из индивидуального дома рабочие ста-

рались сохранить возможность обрабатывать земельный участок, как, например, рабочий мясокомбината С.Ф. Чередников¹¹.

Трудовая активность работников влияла на уровень заработной платы, хотя и в разной степени. Лучшие работники получали, как правило, зарплату выше среднего уровня по Западносибирскому краю. Бригадир-ударник завода «Труд» Ф.Н. Евсеев при средней зарплате рабочих крупной промышленности края в 179 руб. имел зарплату 200 руб. (выше среднего на 11,7 %). ИТР того же завода М.Ф. Логинов зарабатывал в месяц 700 руб. при средних 529 руб. для ИТР (выше на 32 %). Работник маслозавода Н.И. Мальцев при средней зарплате в мелкой промышленности в 146 руб. имел зарплату 193 руб., а с учетом перевыполнения плана получал на руки до 250 руб. (на 71 % выше средней ставки). Кроме того, работники могли рассчитывать и на премиальные выплаты, которые порой достигали размера самой ставки¹².

Однако производственная активность не всегда сопровождалась материальным поощрением. Работница кирпичного завода А.И. Кобзева, систематически перевыполнявшая производственное задание (за месяц до обследования задание было перевыполнено на 140 %), материального поощрения, по ее словам, не получала.

Обеспеченность граждан предметами бытового обихода также различалась. В некоторых случаях минимальный набор предметов интерьера (вплоть до табуреток и кухонных столов) имелся в недостаточном количестве либо вовсе отсутствовал. В то же время в некоторых материалах обследований рабочих жилищ упоминается о наличии в квартирах лучших ударников мягкой мебели, личных библиотек, музыкальных инструментов, картин и репродукций, комнатных растений¹³.

Неоднородность материально-бытового уровня лучших работников наглядно можно проиллюстрировать двумя противоположными примерами. Упомянутая выше работница одного из кирпичных заводов Новосибирска, мать-одиночка А.И. Кобзева была отличником производства, систематически перевыполняла план, имела социалистическое обязательство. Трудовые успехи Кобзевой не сказывались на ее материальном положении. Семья из семи человек занимала, как уже отмечалось, одну комнату в заводском бараке-общежитии. Месячный бюджет семьи складывался из заработка Кобзевой и двух ее дочерей и составлял 220 руб. (31,5 руб. на члена семьи). Обстановку комнаты составляли две кровати, основной рацион питания состоял из каши и хлеба. Младшие дочери не посещали школу из-за недостатка одежды. Несмотря

⁵ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 94.

⁶ КЗоТ РСФСР. 1922. Ст. 158.

⁷ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 158.

⁸ Там же. Л. 137.

⁹ Там же. Л. 133.

¹⁰ Там же. Л. 107.

¹¹ Там же. Д. 1069а. Л. 32.

¹² Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (итоги единовременного учета за март 1936 г.). М., 1936. С. 121; ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1120. Л. 122, 134, 137; Д. 1069а. Л. 29.

¹³ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1069а. Л. 60.

на систематическое перевыполнение плана, премий и надбавок Кобзева не получала¹⁴.

Кобзева не была активна в общественной жизни – кино и театр не посещала, в профсоюзных собраниях участия не принимала. Зато в отчете упомянута ее религиозность: в комнате висела маленькая иконка, а кровать была застлана новым одеялом, что проверяющий связал с праздником Троицы. Упомянув эту деталь, автор мог указывать на «отсталость» Кобзевой, а также на невыполнение заводом обязанностей по организации культурного быта лучших работников (что было прописано в КЗоТ). Судя по отдельным замечаниям инспектора, основной причиной плачевного положения Кобзевой было отсутствие внимания к нуждам работников завода со стороны завкома. Кобзева, будучи хорошим работником, но человеком не активным в общественном плане, выпадала из поля зрения заводской профсоюзной ячейки.

Иной была ситуация в семье отличника производства Новосибирского хромзавода бригадира В.С. Петрова. Семья из трех человек проживала в индивидуальном доме площадью 16–18 м² (5–6 м на человека). Заработок Петрова колебался от 160 до 170 руб. в месяц – чуть выше среднего уровня в мелкой промышленности, при этом сам Петров оценил указанную сумму как небольшую. Примерно столько же получал и его сын. В итоге получалось по 107–113 руб. на члена семьи¹⁵.

О рационе питания в отчете сведения отсутствуют, но, по словам Петрова, его семья из трех человек потребляла в месяц 86–88 кг хлеба (около 0,9 кг в день на человека), затрачивая 85–95 руб., немногим менее четверти семейного бюджета. Благодаря этому упоминанию, мы можем сопоставить положение Петровых и Кобзевых. Семья А.И. Кобзевой из семи человек при семейном бюджете 220 руб. не имела возможности обеспечивать тот же уровень потребления, что и Петровы, так как Кобзевым пришлось бы тратить только на хлеб практически все свои средства.

Из вещей в доме Петровых упомянуты костюм, три пары белья, две верхние рубашки, приличная верхняя одежда, сапоги, ботинки, двустволка, два сундука, «внушающие “солидность”». По словам инспектора, «чувствуется, что Петров живет неплохо, даже можно сказать “крепко”» и «нужды ни в чем не чувствует». В то же время Петров упомянул, что «позарез нужна лодка и стульев нет. Купить – дорого, бюджет не позволяет». Никаких других просьб и пожеланий личного характера Петров инспектору не высказывал.

В отчете содержатся рассуждения Петрова о состоянии снабжения рабочих, основанные, вероятно, на разговорах о насущных вопросах в рабочей среде. Петров отметил улучшение материально-бытового положения рабочих за последний год (1934/35 г.), особенно после отмены хлебных карточек. В то же время он выразил недовольство высокими ценами на

хлеб, отсутствием в торговой сети дешевой мебели и других необходимых товаров, при наличии этих товаров у спекулянтов по завышенным ценам. Петров упомянул о недоумении рабочих по поводу снижения в 1935 г. зарплаты на 30–35 руб. в месяц, что было связано с изменением норм выработки. Было отмечено и недовольство работой завкома: «...О соревновании и ударничестве много говорят, а до конца не доводят, и получаются разговоры без толку».

Эта беседа интересна тем, что респондент, оценивая свое материально-бытовое положение, вышел за рамки частного интереса и дал общую характеристику настроений в рабочей среде, почерпнув материал за пределами собственного «бытового мирка». Что касается положения самого Петрова, минимум просьб с его стороны и отдельные замечания профсоюзного работника свидетельствуют о восприятии благосостояния его семьи как приемлемой нормы.

Реконструкция материально-бытового положения рабочих во многом основывается на описаниях и характеристиках, сделанных профсоюзными работниками, а также на пожеланиях и жалобах самих хозяев квартиры. Несмотря на субъективность подобной информации, именно через оценки и пожелания возможно выявить значимые для граждан элементы быта, что позволяет сделать картину материально-бытового положения лучших работников того времени более полной. Субъективно-личностные представления являются компонентами «среднестатистического» образа быта, сформированного на основе сравнения фактического личного положения с положением окружающих людей, а также сравнения реальности и декларируемой нормы.

Обобщая этот среднестатистический образ, мы можем сказать, что положение работника могло считаться приемлемым при наличии ряда следующих обязательных элементов: обеспеченность продуктами питания, выражавшаяся в возможности покупать продукты в системе рабочего снабжения и магазинах, а также вести подсобное хозяйство; достаточное для семьи количество мебели, обеспечивавшее, в первую очередь, необходимое количество спальных и посадочных мест. Предметы, выходящие за рамки «обязательного минимума», отмечались особо и формировали положительный облик не только благосостояния семейства, но и хозяина дома, так как косвенно свидетельствовали о его активности на производстве и в общественной жизни.

Стоит подчеркнуть, что уровень благосостояния лучших работников разных предприятий мог значительно отличаться. Формально «лучшие люди» были равны в своих правах на удовлетворение материально-бытовых потребностей. Фактически же улучшение их материального положения в значительной степени зависело от материальных возможностей администрации предприятия, качества работы его профсоюзной организации, а также от знания работником своих прав и от умения добиваться их соблюдения.

Наличие «положительного образа» быта «знатных людей» давало ориентир основной массе совет-

¹⁴ Там же. Д. 1120. Л. 157–158.

¹⁵ Там же. Л. 154–156.

ских тружеников, что способствовало повышению производительности труда в целом по стране. К концу второй пятилетки доля ударников и стахановцев среди промышленных рабочих Сибири достигла порядка 50–60 % [1, с. 299]. Для рекрутирования рабочей элиты и увеличения производственной активности трудящихся недостаточно было одной лишь демонстрации положительных примеров, необходимы были и иные стимулы. Одним из таких стимулов для рабо-

чих являлась потенциальная возможность улучшить свое материальное положение через улучшение производственных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982.

*Статья поступила
в редакцию 20.12.2013*

УДК 94(47).084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ» СЕРЕДИНЫ 1950-х гг. НА ВНУТРИКОЛХОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: andreenkovsn@mail.ru

Обращение к данной теме обусловлено стремлением автора понять природу советского аграрного строя, выявить его преимущества и недостатки, что представляется крайне важным для осмысления вопросов развития сельского хозяйства нашей страны в настоящее время. В середине XX в. базовой организационной формой сельского хозяйства СССР являлись колхозы. Первое постсталинское десятилетие стало для них временем ощутимых перемен, сопряженных с проведением мер по ускорению темпов аграрного развития. По мнению руководителей, возглавивших страну после смерти И.В. Сталина, одним из ключевых факторов, сдерживавших развитие отрасли, являлась слабая заинтересованность колхозников в труде на общественных полях и фермах, обусловленная репрессивной политикой, несвободой и низкой доходностью хозяйств. Решая вопрос о том, как без применения репрессий заставить селян работать в колхозах более результативно, глава государства Н.С. Хрущев попытался опереться сразу на два противоположных друг другу источника трудовой энергии – материальный интерес и патриотический энтузиазм. Приводимая в статье конкретно-историческая информация, почерпнутая из архивов и библиотек Западной Сибири, позволяет говорить о том, что ни тот, ни другой рычаг не позволил поднять колхозное хозяйство на необходимый уровень. Вследствие аграрной «десталинизации» важнейшие функции колхозной системы – мобилизация крестьян на труд во имя общенародных интересов и соблюдение принципа социальной справедливости при распределении доходов – перестали осуществляться в полной мере. Трудовая дисциплина в колхозах стала снижаться, налицо были все признаки демобилизации коллективного хозяйства. При этом направленные из города в деревню руководители, призванные вдохновить крестьян на высокорезультативный труд, полностью свою миссию не выполнили. К управленческой деятельности глав хозяйств у региональных властей появлялось немало претензий, в том числе связанных с нерациональным расходом средств из фондов оплаты труда.

Ключевые слова: колхозы, аграрная политика, Н.С. Хрущев, Сибирь, трудовая дисциплина, сельское хозяйство.

Необходимость научно-исторического изучения указанной темы определяется традиционно значительным интересом исследователей к истории аграрных преобразований первого постсталинского десятилетия, к развитию советского аграрного строя. Важным их аспектом являлось осуществление мер по совершенствованию внутриколхозных социально-экономических отношений. Данная проблема слабо изучена и по настоящему еще не осмыслена, поэтому мы сделали ее предметом настоящей статьи. К основным целям исследования относится расширение источниковой базы темы. Для этого привлекается региональный конкретно-исторический материал, который в значительной

степени способствует выявлению скрытых тенденций и закономерностей.

К началу 1950-х гг. созданный И.В. Сталиным колхозный строй уже не обеспечивал достаточных темпов роста сельхозпроизводства. Представляя собой довольно жесткую организационно-хозяйственную систему, основанную на внеэкономических механизмах принуждения к труду и отчуждения сельхозпродукции, он смог выполнить задачу тотальной мобилизации ресурсов деревни для общегосударственных нужд. Следующей целью становилось значительное увеличение объемов сельхозпроизводства в условиях сокращения трудовых ресурсов села,